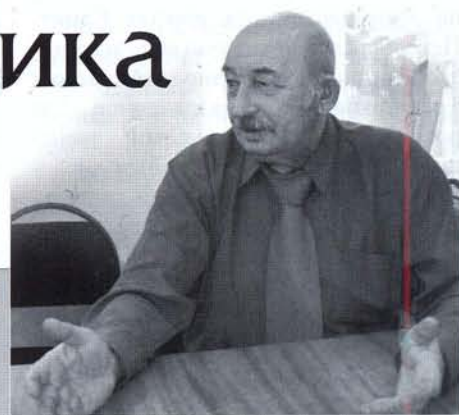

Зачем бронетехника вошла в Сунгур?

Геннадий Васильевич Сараев

Неприятное это занятие – нырять зимой в ледяную болотную жижу, пускай даже в допотопном водолазном скафандре. Но если надо, значит, надо. И подполковник в отставке Геннадий Васильевич Сараев нырял. Причем не один раз. И не в войну, назло врагам, а в самое что ни на есть мирное время. Нырял ради того, чтобы... Впрочем, об этом несколько позже.

Глава сельского поселения Троицкий Сунгур Наталья Яковлевна Еремеева.

Такое увидишь не в каждом райцентре...

В центре с. Троицкий Сунгур, что в Новоспасском районе, у самой его границы, возле дороги стоит бронетехника: боевая машина десанта (БМД), БТР, танк Т-34, артиллерийское орудие. А над всем этим завис боевой вертолет Ми-24, словно напорвшись брюхом на высокую бетонную стену. Место дислокации грозных машин обнесено невысоким аккуратным заборчиком, у ворот в котором установлен транспарант. Он извещает проезжающих о том, что перед ними – Мемориал воинам-лыняновцам, погибшим за Отечество.

– Раньше на этом месте были пустырь и стихийная свалка, – расска-

зывает глава сельского поселения Троицкий Сунгур Наталья Яковлевна Еремеева. – Потом возникла мысль облагородить это место, чтобы въезд в Новоспасский район не начинался со свалки. Работы начались в 2003 году и спустя два года, к 60-летию Победы, в нижней части улицы появилась сквер, названный в честь этой годовщины. Потом вверху разбили второй сквер – сельскохозяйственной истории. А между ними остался промежуток длиной в несколько десятков метров и... в несколько десятилетий.

Вот тогда у Григория Николаевича Мясникова – бывшего председателя нашего колхоза, а ныне – депутата областного Законодательного собрания и одновременно председателя со-

вета директоров компании «Проминвест» – крупнейшего в районе предприятия – появилась идея связать эти комплексы мемориалом в честь солдат, погибших в Афганистане и Чечне.

Самое активное участие в строительстве принимали Геннадий Васильевич Сараев и Петр Андреевич Еремеев, ныне, к сожалению, покойный.

Военно-мемориальный комплекс состоит из двух частей – первая посвящена Великой Отечественной войне, вторая – «горячим точкам». А все вместе называется Мемориал воинам-ульяновцам, погибшим за Отечество.

Для «мирного» раздела собрали списки всех тех, кто призывался из нашей области и погиб в Афганистане, в Чечне, в Югославии, словом, во всех «горячих точках». Но в основном это Афганистан и Чечня. Н.Я. Еремеева делала запросы во все районные военкоматы, но сначала ей никаких сведений не давали. Однако женщина рук не опустила и обратилась в областной военный комиссариат. Теперь в сунгурском Мемориале увековечены имена всех погибших жителей области, и любой проезжающий может найти в этом списке своих земляков. К счастью, среди погибших нет сунгурцев. Но есть двое из Новоспасского района, один пал в Афганистане, другой – в Чечне.

– Теперь о Сунгуре уже знают и в России, и в Москве, – не без гордости констатирует Наталья Яковлевна. – Поэтому комплекс стал интересен и району. Когда мы пытались найти боевую технику, к нам приезжали генералы из Пензенской и Саратовской областей. Они удивлялись, говорили, что такое увидишь не в каждом районном центре, а тут – обычное сельское поселение, в котором живут всего 1500 человек.

Над Мемориалом шефствуют школьники – зимой чистят снег, летом сажают цветы, помогают полоть, поливать, ремонтировать постаменты, ограду. Учительница истории проводит экскурсии, в том числе и для школьников из других сел, а также просто для проезжающих, которые заинтересовались необычной экспозицией.

Вертолет МИ-24 подарило Сызранское вертолетное училище, а БТР и БМД в качестве спонсорской помо-

щи были получены от командования полигона в Шиханах Саратовской области – там списанная техника используется в качестве мишеней.

– Я сама туда ездила, ходила по полигону между разбитой техники, отыскивая более или менее уцелевшие фрагменты, – рассказывает Еремеева. – С разных машин набрали деталей, привезли их сюда и уже на месте собрали две целых. Доваривали, довинчивали, красили, в общем, приводили в порядок в мастерских местного автотранспортного предприятия, обладающего хорошей производственной базой.

Но первой все же была «тридцатьчетверка», которую отыскал и привез в село Г.В. Сараев.

Болотная одиссея подполковника Сараева

– Мне говорили, что найти «тридцатьчетверку» практически невозможно. Военные предлагали списанные послевоенные танки по цене от 500 тысяч до миллиона. Но нужен был именно Т-34, – рассказывает Геннадий Васильевич.

С учетом боевых, он отслужил в армии более 30 лет. Воевал в Афганистане. После выхода в отставку получил второе образование и работал в нефтяной промышленности. Сначала на Севере на буровых. Потом, когда там все рухнуло, Г.Н. Мясников, руководивший тогда компанией «Проминвест», пригласил бывшего военного к себе. Сараев приехал с семьей в Новоспасский район, где продолжил работу по гражданской специальности.

– Геннадий Николаевич – человек абсолютно не военный, однако проблемы армии принимает близко к сердцу, – рассказывает Сараев. – Однажды он побывал в 31 бригаде ВДВ и был потрясен тем, что в мирное время солдаты гибнут и получают увечья. С тех пор он постоянно помогал бригаде, особенно раненым.

Однажды Мясников рассказал, что его отец воевал танкистом, и он хотел бы в память о нем и обо всех фронтовиках создать мемориал, установив там танк времен Великой Отечественной войны. Тогда-то он и предложил мне заняться поисками такой машины.

Сараев связался с поисковой группой, которая работает в Москве

на Поклонной горе, и вместе с ними начал поиск на местах боев в Карпатах.

– Там в ущельях много бронетехники лежит, – рассказывает подполковник. – Нашли КВ, немецкий танк, пушки. Потом были на Курской дуге, на Украине. Из Днепра вытащили наш танк. Практически целый. Видимо, его сбросило в воду с переправы. Но коррозия настолько изъела броню, что использовать его в качестве памятника было невозможно. Поисковики сказали, что лучше всего техника сохраняется в болотах.

И Сараев отправился на болота. В Москве в одном из институтов раздобыл специальный металлоискатель, который реагирует на массу металла не менее 50 тонн. В архивах нашлись полковые и дивизионные карты боевых действий. Оснастившись таким образом, подполковник отправился в поиск и целый год колесил по лесам и болотам на личном узике. Постоянной поисковой группы не было. Для раскопок нанимал местных мужиков, расплачиваясь водкой или спиртом. «Валютой», бензином, продуктами и командировочными его снабжал Мясников. По мере необходимости связывался с военными, с поисковиками, с бывшими сослуживцами, которые консультировали, снабжали информацией, картами. Когда попадались останки солдат, наших и немцев, обращался к властям ближайшего населенного пункта, и они помогали с перезахоронениями. Найденное оружие сдавал в музей. Но танка не было.

И вот однажды, уже осенью, под Псковом зашли к леснику погреться, закупить продукты. Слово за слово, и тот рассказал, что вскоре после войны в одном из болот неподалеку местные жители видели торчавшие башни двух «тридцатьчетверок». Старожилы рассказывали, что там был заслон, которым наши отступавшие войска сдерживали натиск немцев. Район лесник показал приблизительно. К тому же местность за прошедшие годы изменилась. Еще какое-то время поисковики бродили в окрестных болотах по пояс в воде, но ничего не находили. Между тем становилось уже совсем холодно.

– И вот, почти отчаявшись, я залез на дерево, через бинокль стал рассматривать местность, – вспоминает

Геннадий Васильевич. – Увидел овраг с развалившимся старым мостом через рез него. С военной точки зрения, именно здесь, на просеке, у моста, и должна была находиться танковая засада. Так оно и вышло – на холмике удалось разглядеть остатки окопов и блиндажей. Начали копать и наткнулись на разбитые артиллерийские позиции – в земле попадались остатки пушек ЗИС-3.

Значит, засада действительно была. Следовательно, и танки стояли где-то неподалеку. Опять пошли по болотам, и прибор наконец «щелкнул». Отметили место и стали ждать зимы. Когда болото замерзло, с помощью местных жителей проложили гать длиной около полутора километров, подогнали трактор, пробрили прорубь. Где-то нашли старый водолазный комбинезон с огромным медным шлемом. Сараев залез в него, и его краном опустили в прорубь. На ощупь подполковник определил, что под водой действительно находится танк. Его подцепили тросами и стали тянуть вверх трактором. Вскоре из болота показалась пушка, потом – передняя часть корпуса. Это действительно была подбитая «тридцатьчетверка». Но, выбравшись наверх до половины корпуса, машина намертво застряла и дальше – ни на сантиметр. Как быть? Второй трактор не подгонишь – первый-то начал медленно зарываться в растрепанный лед. И тогда решили танк разрезать. Отделили сваркой верхнюю часть, оттащили в сторону, а потом достали заднюю. Отмыли от грязи и ила, осмотрели. Не хватало траков на гусеницах и люков. Похоже, их вырвало взрывом – все внутри было разбито. Может быть, в танк угодила вражеская снаряд и сдетонировал боекомплект, а может быть, взорвал экипаж при отступлении.

Сараев решил погрузиться еще раз, потому что, когда обследовал первый танк, рядом нащупал какую-то стальную массу. Возможно, это была еще одна машина. Так и оказалось. Второй был разбит вдребезги, поэтому доставали его тоже кусками, но уже без помощи сварки. Когда обмыли, оказалось, что и это «тридцатьчетверка».

– Я связался с подмосковным полигоном Кубинкой, которым командовал мой сослуживец, – рассказывает Геннадий Васильевич. – Он дал мне

солдат и транспорт. Мы загрузили все добытое, привезли в Кубинку и оставили на полигоне. К лету Мясников выделил деньги, фирма «Центротех» – большегрузный трал, и мы перевезли танковые останки сюда, к нам. По чертежам из двух разбитых в мастерских «Центротеха» собирали один.

Кстати, приехав в Кубинку летом, я увидел там подбитые и сгоревшие БТР и БМП, привезенные из Чечни. Их собирались использовать в качестве мишеней для стрельбы с вертолетов. Я договорился с прапорщиками, накрыл им «поляну» и получил неофициальное разрешение в ночь перед стрельбами снять с двух машин башни. По пути домой их обнаружила милиция, и меня посадили за незаконную перевозку оружия. Хорошо, что при мне еще оставались деньги, поэтому все обошлось. Сейчас эти башни стоят на постаментах у входа в мемориальный комплекс.

Как неизвестный солдат стал известным

С момента возникновения идеи мемориала до появления танка на пьедестале в Сунгуре прошло три года. За это время бывшую свалку превратили в парк. Но чего-то в нем все равно не хватало. Побывав на разных воинских мемориалах, в том числе и на Поклонной горе в Москве, Сараев набросал несколько эскизов экспозиции и понял – для полной гармонии

не хватает орудия. Тут и вспомнилась разбитая батарея.

Опять поехал в Псковскую область. С поисковиками с Поклонной горы копали там месяца два и нашли остатки шести разбитых пушек, одну из которых явно раздавил танк – ствол был искорежен, но казенник уцелел. А в нем – снаряд. Видимо, расчет зарядил орудие, но выстрелить не успел. Взрывоопасную находку осторожно извлекли и обезвредили.

А еще среди погибших орудий нашли останки солдата и орден Красной Звезды. Тело аккуратно перезахоронили там же, неподалеку, под деревом. А по номеру на ордене установили личность погибшего. Оказалось, это старшина-узбек. Награжден был еще за финскую, погиб в 1941-м. К сожалению, ни его имени, ни фамилии Геннадий Васильевич уже не помнит. В Узбекистане отыскали родственников старшины. Они приехали 9 Мая прямо на раскоп.

Наконец, раскопки закончились. Обломки орудий погрузили в три автомобиля и повезли в Москву на Поклонную гору, где стали собирать в мастерской поисковиков.

– Я не артиллерист, поэтому сделать это самостоятельно не смог бы, – признает Сараев. – Поэтому работали вместе с москвичами целую зиму. Из шести разбитых пушек собрали две целые ЗИС-3. Все части были «родными». Единственными современными деталями оказалась резина на

колесах – ее дал начальник полигона в Кубинке.

Одну пушку я оставил на Поклонной горе, а вторую загрузил в трейлер и повез домой. По дороге меня вновь арестовали. Формально – за незаконную перевозку оружия, а фактически – за то, что я не захотел откупиться от постовых на трассе – не дал им 50 000 рублей, денег у меня уже просто не было. Грозили сроком лет в десять. Но отсидеть в камере пришлось десять суток.

Сараева освободили после вмешательства поисковиков, ветеранов и военных. Так что пушку в Сунгур он все-таки привез.

Это нужно живым?

– Население поселка в целом поддерживает инициативы по увековечиванию памяти павших. Хотя сначала отношение было скептическим. Раздавались голоса: «Лучше бы дороги построили». Но сейчас такого уже нет, во всяком случае, в массовом настроении, – говорит глава поселения.

По мнению же Сараева, люди в лучшем случае равнодушны. Никакого общественного энтузиазма нет. Ухаживать за памятниками задарма никто не хочет, если работают, то лишь за деньги. Когда строили сквер, были случаи разворовывания строительных материалов.

На содержание комплекса уходит около 200000 рублей в год. Своими силами Сунгур, годовой бюджет которого составляет 3,5 миллиона рублей, таких расходов не потянул бы, – говорит Еремеева. – Мы лишь платим зарплату двум работникам, которые ухаживают за Мемориалом – чистят снег, убирают мусор и пр. Памятник содержится в основном за счет финансовой помощи, которую продолжает оказывать Г.Н. Мясников, а точнее – «Проминвест». Хотя в районе много богатых людей, однако выделять деньги на подобные «непрофильные» объекты они не спешат, – с горечью констатирует Наталья Яковлевна.

Владимир Миронов
Ульяновск, Троицкий Сунгур,
Новоспасское

Пушка ЗИС-3

Была создана под руководством конструктора, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственных премий, доктора технических наук, профессора, генерал-полковника технических войск Василия Гавриловича Грабина.

Уже к концу 1941 г. более тысячи 76-мм пушек ЗИС-3 использовалось на фронтах Великой Отечественной войны. Однако «узаконили» ее только 12 февраля 1942 г., когда постановлением Государственного Комитета Обороны пушку приняли на вооружение под наименованием «76-мм дивизионная пушка ЗИС-3 обр. 1942 г.» взамен 76-мм пушки образца 1939 г.

Среди полевых орудий не было равных ей по техническому совершенству и маневренности, по мощности и темпу стрельбы, по точности и дальности. Она пробивала броню любого немецкого танка.

Танк Т-34-85

Производство танка Т-34, вооруженного 85-мм пушкой, началось осенью 1943 г. на заводе «Красное Сормово». В литой трехместной башне новой формы устанавливалась 85-мм пушка и спаренный с нею пулемет ДТ. На крыше башни имелась командирская башенка. Боекомплект состоял из 56 выстрелов и 1953 патронов.

Постановлением ГКО от 23 января 1944 г. танк Т-34-85 с пушкой ЗИС-С-53 был принят на вооружение Красной Армии. В марте первые танки стали сходить с конвейера.

Выпуск Т-34-85 осуществлялся на трех заводах: № 183 в Нижнем Тагиле, № 112 «Красное Сормово» и № 174 в Омске. Всего до конца войны было построено 21048 машин этого типа.

Танки Т-34-85 приняли участие в завершающих операциях Великой Отечественной войны и в разгроме Квантунской армии. Они же составляли основу танкового парка Советской Армии в первые послевоенные годы.

